

Филология: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Садалова Т.М., Лиджиев М.А. — Мифы и сказки о животных ойратов Синьцзяна // Филология: научные исследования. – 2023. – № 12. – С. 28 - 37. DOI: 10.7256/2454-0749.2023.12.69207 EDN: WGXGKP URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=69207

Мифы и сказки о животных ойратов Синьцзяна

Садалова Тамара Михайловна

ORCID: 0000-0002-7984-2379

доктор филологических наук

ведущий научный сотрудник, Калмыцкий государственный университет им. Б.Б. Городовикова

649000, Россия, республика Алтай, г. Горно-Алтайск, ул. Телеутская, 14

✉ sadalova-t@mail.ru

Лиджиев Мингиян Алексеевич

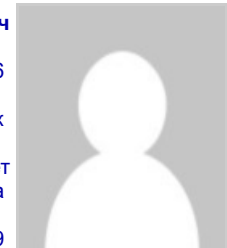
ORCID: 0000-0002-5113-7766

кандидат филологических наук

доцент, кафедра Калмыцкой литературы и журналистики, Калмыцкий государственный университет им. Б.Б. Городовикова

358000, Россия, республика Калмыкия, г. Элиста, ул. Н.м. Очирова, 19

✉ mingiyan75@mail.ru

[Статья из рубрики "Фольклор"](#)

DOI:

10.7256/2454-0749.2023.12.69207

EDN:

WGXGKP

Дата направления статьи в редакцию:

29-11-2023

Дата публикации:

06-12-2023

Аннотация: Предметом исследования является сказочный фольклор ойратов Синьцзяна. Объектом исследования выступает специфика мифологических и сказочных текстов о

животных. Мифы и сказки о животных являются органичными и самостоятельными жанрами фольклора ойратов Синьцзяна. Они обладают своеобразными чертами поэтики и семантики. В различных сборниках и в периодических изданиях опубликовано более ста сказок о животных на «ясном письме» и старомонгольской графике. Следует отметить, что сказочный фольклор ойратов все еще остается малоизвестным для отечественных исследователей, несмотря на то, что попытки его изучения были начаты в середине прошлого столетия. Изучение фольклора ойратов особенно актуально для отечественного монголоведения, поскольку он исторически связан с фольклорной традицией российских калмыков и алтайцев. Автор подробно рассматривает такие аспекты темы как исследование сказочных текстов и выявление общих художественных средств, что позволяет установить и объяснить общие системные связи между этими этнолокальными фольклорными традициями. Методами исследования выступают сравнительно-сопоставительный анализ и метод интерпретации сказочного текста. Для изучения сказочного нарратива такой подход оказывается потенциально эвристическим: оба направления взаимно обуславливают друг друга, обнаруживая многомерные связи некогда единой фольклорной традиции. Мифы и сказки о животных представляют древний жанр сказочного фольклора ойратов Синьцзяна. Основными выводами проведенного исследования являются положение о том, что в их содержании сохранились мифологические элементы, связанные с архаическими представлениями этноса о живых существах окружающего их мира. Особое внимание уделяется образному языку, насыщенному выразительными поэтическими выражениями, обилием изобразительных средств, большим объемом лексики исконного языка ойратов. Все это свидетельствует о сохранности сказочно-мифологического фонда и исполнительской традиции ойратов Синьцзяна. Новизна исследования заключается в том, что в ходе анализа сказок и мифов о животных как особого жанра установлено, что в содержании архаической животной сказки ойратов Синьцзяна нет иносказательности, несмотря на то, что главные ее персонажи животные. Согласно архаичным воззрениям человек верил, что некогда животные были людьми. Поэтому во многом животный мир воспринимался как отражение мира людей, а нравы зверей приравнивались к таким же качествам человека.

Ключевые слова:

ойраты, архаизм, фольклор, сказки, животные, мифология, сюжет, персонажи, жанр, признаки

Введение

Сказочный фольклор ойратов Синьцзян-Уйгурского автономного района Китая необычайно богат и содержателен. Он представлен разнообразными мифологическими сюжетами, бытовыми, животными и новеллистическими сказками, а также волшебными и богатырскими сказками, устным циклом обрамленных повествований о Волшебном мертвеце. Однако для исследовательского поля отечественной фольклористики эти материалы все еще остаются недоступными в силу ряда причин. Тем не менее, необходимо отметить, что попытки исследования сказочного фольклора ойратов Синьцзяна были начаты более века назад [\[9\]](#).

К началу 1980-х гг. представители ойратской интеллигенции (учителя, журналисты, работники культуры) активизирует деятельность по сбору и публикации сказок ойратов Синьцзяна. За последующие двадцать лет в научный оборот был введен целый корпус

сказочных текстов — более пятидесяти сборников сказок [\[13\]](#). Большой пласт фольклорного материала на традиционном «ясном письме» был опубликован в номерах периодического издания «Hān Tenger» (1981–1993 гг.), выходившего в г. Урумчи. На страницах 51 выпуска издания представлены не только разнообразные образцы устного народного творчества, но и письменной литературы ойратов [\[2, 5\]](#).

Мифы и сказки о животных являются органичными и самостоятельными жанрами фольклора ойратов Синьцзяна. Они обладают своеобразными чертами поэтики и семантики. В различных сборниках и в периодических изданиях опубликовано более ста сказок о животных на «ясном письме» и старомонгольской графике. Единственным изданием, которое полностью состоит из 31 сказки о животных, является сборник под названием «Белозобый воробей» («*Betege cayān boqširyo*») [\[14, 10\]](#).

В 2006 г. в Синьцзяне на «ясном письме» был издан трехтомный свод фольклора ойратов Синьцзяна. В первом томе «Сборник народных сказок монголов Синьцзяна КНР» («*Dumdadu ulusiyn Šinġiyang-giyin mongyol aradiyin aman üliger-yin emkidkel*») в разделы «Мифы о животных» («*Aduusun amitani tuxai domoq yarān*») и «Сказки о животных» («*Aduusun amitani üliger*») вошли тексты, опубликованные как в сборнике «Белозобый воробей» и в разных номерах периодического издания «Hān Tenger», так и ряд ранее не публиковавшихся текстов мифов и сказок о животных. В общей сложности в первом томе свода было опубликовано 70 сюжетов (22 текста мифов и 48 сказок о животных) [\[15\]](#).

Мифы о животных

Мифы о животных, суть которых сводится к объяснению происхождения тех или иных характерных внешних примет животных и птиц, воспроизводят устоявшиеся в народном представлении толкования этих признаков. Главными персонажами ряда мифов являются птицы, которые у ойратов считаются представителями верхнего мира [\[7, с. 14\]](#). Образы ворона, журавля, ласточки, кукушки, царя птиц Гаруды в сказочной традиции, а также образы орнитоморфных помощников героев волшебной сказки достаточно подробно освещены в работах исследователей [\[1; 3; 6, с. 139\]](#).

В мифах ойратов Синьцзяна, к примеру, ласточка избавляет людей от змея, отправившего комара узнать, чья кровь самая вкусная. Ласточка вырывает язык комара, змей лишает ее части перьев хвоста, поэтому у ласточки хвост стал раздвоенным. Капли крови комара, попавшие на нее, окрасили шею ласточки в красный цвет [\[14, с. 94–98\]](#). В одном из мифов о царе птиц Гаруде, объясняется, почему лиса стала охотиться на мышей. В другом — отчего у грифа ноги обожженного цвета и почему он питается падалью.

В мифе «Почему у перепелки хвост короткий» («*Bödüne-yin süül yayād oxotor boluqsan bui*»), лиса угрожает съесть перепелку, если она не рассмешит, не накормит и не напугает ее. Мудрая перепелка спасается, но лишается хвоста. Этот сюжет имеет прямую параллель с известной буддийской притчей «Лиса и куропатка», бытующей в комментаторской тибето-монгольской литературе буддизма [\[4, с. 61\]](#).

В мифе «Почему петух кричит утром, в обед и вечером» («*Эр така юунд өрүн, удлә, асхн, сө дуулн дуһардг болсмб*») обманутый павлином петух кричит трижды в день требуя вернуть его красивое оперение [\[15, с. 127–129\]](#). Этот сюжет хорошо известен в калмыцкой сказочной традиции [\[11, с. 411\]](#).

Согласно содержанию мифа «Почему сова кричит по ночам» («Ууль шовун юунд сөөд дуһардг болсмб»), скупая девушка, рассердившись на то, что гости съели все свадебное угощение, ночью нагая убегает от жениха в лес. Там она плакала, пока не умерла. Душа ее превратилась в сову, которая ночью плачет, а днем спит [\[14, с. 72–75\]](#).

Другой разновидностью этиологических мифов являются сюжеты, раскрывающие появление в этом мире тех или иных зверей и птиц. Таких среди этиологических мифов ойратов Синьцзяна оказалось три — «Как появился тарбаган» («*Tarbaγan yaγād bui boluqsan*»), «Как появился еж» («*Zarā yaγaǰi bui boluqsan bui*») и «Почему кит живет тысячу лет» («*Xalim zaγasun yahād mingya nasuldaq boluqsan bui*»). В содержании двух последних текстов присутствует явное влияние буддизма. Так, появление в этом мире ежа связывается с самим Буддой, а кита с Бодхисаттвой. Из двух календарных мифов «История двенадцатилетнего цикла» («*Арвн хойр жилин тууж*») и «Почему начинают сев, заслышав кваканье лягушек» («*Tarāčid yuundu mekelei duuγarbala tarā uruxu saq bolba gedeq bui*»), в содержании последнего появляется божество добуддийской веры — Белый старец.

Часть мифов оригинальна по своему содержанию и известна только в фольклоре ойратов Синьцзяна. К таким можно отнести следующие мифы: «Почему собака покрыта шерстью, а человек нет» («*Kümün nücüken noxoi üsütei boluqsan-ni*»), «Почему кони перестали летать» («*Morin yaγād nisči čidaxu ügei boluqsan bui*»), «Почки коровы» («*Ükri-yin bōrō*»), «Притча о мудром еже» («*Cecen zarā-yin domoq*»), «Почему у кошки хрипит в груди» («*Mis-yin čēǰi yuundu xarǰingnadaq boluqsan bui*»), «Почему собака мочится на повилику» («*Noxoi yuundu ziyiliq dēre šēdeq boluqsan bui*»).

Сказки о животных

Сказки о животных — наиболее древний жанр фольклора ойратов Синьцзяна. Генетически они восходят к мифам первотворения, часть из которых впоследствии трансформировались в сказку. Круг персонажей сказок о животных достаточно широкий. Это хорошо знакомые ойратам Синьцзяна дикие животные (лиса, барс, волк и др.), птицы (ласточка, воробей, перепелка и др.), которые обитают в степных и горных ландшафтах Джунгарии.

Активными персонажами животной сказки являются домашние животные (верблюд, собака, кошка и др.) и мелкие представители фауны — заяц, тарбаган, еж, мышь, лягушка, черепаха, летучая мышь и др.

В содержании архаической животной сказки ойратов Синьцзяна нет иносказательности, несмотря на то, что главные ее персонажи животные. В древности человек верил, что некогда животные были людьми. Поэтому во многом животный мир воспринимался как отражение мира людей, а нравы зверей приравнивались к таким же качествам человека. Соответственно в животной сказке звери ведут себя подобно людям — дружат, помогают друг другу, завидуют, обманывают, мстят и др. Тем не менее, нельзя сказать, что человеческие черты полностью заменяют свойства животного. Животная сказка — это своего рода этнокультурная ретроспекция на мир людей через призму животного мира.

Все персонажи животной сказки ойратов Синьцзяна делятся на два вида — обманывающих и обманутых, поскольку в основе ее элементарного сюжета лежит трюк. Персонажи животной сказки добиваются своей цели с помощью обмана. Ложь — сложная коммуникативная ситуация, которая предполагает наличие как минимум двух участников. Суть такого коммуникативного действия заключена в желании уверить

собеседника в том, что перед ним друг, а не враг. Поэтому главной особенностью животной сказки является диалог, раскрывающий характер персонажей и суть происходящего. При этом умение зверей говорить — это внутреннее необходимое условие самой животной сказки и не имеет отношения к чудесным свойствам персонажей.

По сравнению с другими сказочными текстами животная сказка ойратов Синьцзяна обычно невелика по размеру и имеет простой сюжет. Иногда за счет повторяемости действий встречаются и объемные сюжеты. Например, сказка «Лиса и журавль» («*Ünegen toyoruun хоуор*») или «Охотник-капканщик и черно-бурая лиса» («*Хабхаѝ ба халтар үнеген*»).

Инициальная формула сказок о животных ойратов Синьцзяна начинается со сложившегося в глубокой древности вербального кода, погружающего слушателя в особую атмосферу животного мира. Основной устойчивой инициальной формулой, указывающей на время мифического первотворения, является фраза — 'эрт урд цагт', 'эрт урдын цагт' ('в давние времена') или 'эрт урд цагт гинэ' ('в давние времена говорят').

Далее по частоте применения следуют инициальные формулы — 'эрт цагт', 'эрт нег цагт' ('в раннее время', 'в одно раннее время'); 'кезэнэ цагт' ('в давнее время'), 'кезэнэ гинэ' ('давным-давно'), 'кезэнэ санж гинэ' ('давным-давно говорят'), 'кезэнэ' (давно); 'нег өдр' ('в один день').

Некоторые сюжеты не имеют инициальной формулы и начинаются с описания ситуации предшествующей событию. Таким образом, инициальная формула в мифах и сказках о животных ойратов Синьцзяна относится к мифологическому времени первотворения, а заключительная формула, возвращающая слушателя в мир людей, всегда соотносится с настоящим временем. Как правило, это формулы — 'с тех пор...' ('*туунэс авн*'), 'с того времени...' ('*тер цагас*'), 'поэтому...' ('*тиигэд*'), 'стало так...' ('*болж гинэ*', '*болсн гинэ*').

Обстановка, в которой происходит событие в животной сказке, достаточно будничная. Как правило, все начинается со встречи домашних или диких животных. Все персонажи сказки наделяются соответствующими для них эпитетами: зловредная лиса (*хулчн үнгн*), пронизательная куропатка (*цецн серглң бөдн*), жадный, свирепый волк (*хармнч, дажрач чон*), мудрый еж (*цецн зара*), находчивый заяц (*арһта туула*) и т.д.

Основные персонажи животной сказки

Одним из основных персонажей многих сказок о животных ойратов Синьцзяна является лиса. Примечательно, что ойраты лису называют исконным древним словом 'үнгн', в то время как в калмыцком языке лису стали называть — 'арат'.

В животной сказке ойратов Синьцзяна лиса — олицетворение коварного, чрезмерно хитрого, крайне лживого, мстительного, расчетливого и беспредельно жестокого существа. Пользуясь доверчивостью или наивностью своих приятелей, лиса нещадно обманывает их ради своей корысти. Для достижения своей цели использует разные способы: дает лживые советы, льстит, сулит богатую добычу, угрожает. В ряде сказочных сюжетов она обманом приводит к гибели животных, либо лишает их пищи, с помощью хитрой уловки заставляет их стать ездовым животным или нести тяжелую добычу.

В сказках разных народов лиса неизменно предстает хитрым и коварным персонажем. У

монгольских народов с лисой связаны разные поверья и представления. У калмыков встреча на дороге с лисой — плохая примета, ношение шапки из шкуры лисы было табуировано [\[1, с. 91\]](#). В тоже время, для отпугивания злых духов, кости ее черепа в качестве оберега крепили к вороту детской одежды [\[12, с. 69\]](#). Ойраты Западной Монголии считают лису животным с «черным следом», т. е. приносящим несчастье [\[8, с. 52\]](#).

В сказочном сюжете каждый физически слабый животный персонаж вынужден прибегать к обману, чтобы противостоять более сильному противнику. В отношении лисы обычно используются два приема, позволяющие вырваться из ее пасти. Это заставить лису посчитать до восьми или перебросить жертву через голову, подобно благородным лисам [\[14, с. 46–50; 15, с. 542–543\]](#).

Некоторые сказочные сюжеты построены на мотиве раздела найденной животными еды. В сказке «Лиса, лягушка и кузнечик» (*«Ünegen, mekelei, carcā yurba»*) спор разрешается бегом наперегонки. Кузнечик, спрятавшийся за ухом лисы, оказывается на финише первым. Прискакавшая последней лягушка, сообщает о приближающихся охотниках с собаками. Лиса в страхе бежит прочь. Весь урожай достается лягушке и кузнечику [\[15, с. 539–540\]](#).

Нельзя сказать, что сказочные сюжеты, заканчивающиеся торжеством лисы, составляют большинство. Немало таких повествований, в которых лиса оказывается в роли неудачницы. Так в сказке «Козленок и бычок» (*«Išige teke bürüü buxu»*) бычок, застрявший в расщелине, пугает волка тем, что охотничьи собаки, которых он проглотил, рвутся наружу, чтобы его съесть. Испуганный волк убегает. Лиса уговаривает его вернуться и съесть бычка. На обратном пути им встретился человек с хворостом, который стал кричать, что лиса обещала привести семь волков, а привела лишь одного. Испуганный волк пускается наутек и душит лису веревкой, которой они были связаны [\[154, с. 561–563\]](#).

В сказке «Находчивый белый заяц» (*«Aryatu cayān tuulai»*) обманутая лиса притворится хромой, чтобы увести ламу-священника, а заяц овладевает его вещами. В сказке «Скупая черно-бурая лисица» (*«Xobdoq xaltar ünegen»*) скупая плутовка погибает от случайной стрелы [\[14, с. 62–64; 15, с. 554\]](#). Две лисицы погибают из-за собственной глупости в сказке «Две скупые лисы» (*«Xobdoq xoyor ünegen»*) [\[14, с. 12–13; 15, с. 550–551\]](#).

В сказке «Хвост верблюда» (*«Temēni süül»*) лиса устраивает так, что барс убивает медведя и волка, а затем сам срывается со скалы. Однако в финале скупая лиса сама становится добычей орла [\[14, с. 16–20; 15, с. 549–550\]](#).

Лисе, как одному из главных персонажей сказок о животных, неизменно присуще хитрость, но и в тоже время, глупость. В некоторых сюжетах она жестоко мстит своим обидчикам, отправляя их на верную смерть с помощью хитрости. Так лиса лишает жизни волка, отправив его на поиски целебной пилюли в сказке «Волк, искавший урил» (*«Ürēl хауиқсан čоно»*). Она указывает ему место, где якобы находятся эти пилюли и советует громко запеть для того, чтобы проявилось их целебное действие. На вой волка прибегают люди и убивают его [\[14, с. 32–35; 15, с. 537–538\]](#).

В сюжете «Как мышь проиграл лисе» (*«Xuluyuna ünegen-dü ideqdeqsen-ni»*) плутовка съедает всю мышиную семью. В другом сюжете под названием «Верблюд, лис, волк и

барс» («*Temē ünegeŋ čono bars dörbü*») она убеждает волка и барса съесть верблюда, затем наводит волка на капкан и заставляет барса спрыгнуть с вершины горы. В сказке «Лиса, барс и волк» («*Ünegeŋ, bar, čono yurban*») тигр и волк наедаются так, что легко становятся добычей охотника [15, с. 572].

Некоторые сюжеты о лисе являются заимствованиями из комментаторской тибето-монгольской литературы буддизма. Так лиса хитростью заставляет царя зверей нести на себе тяжелую добычу в сказке «Лев и лиса» («*Arslang ünegeŋ xoyor*») [14, с. 14-15; 15, с. 550]. Этот сюжет известен в рамках комментаторской тибето-монгольской литературы под одноименным названием [4, с. 144-145]. В сказке «Как лиса была ханом» («*Ünegeŋ xān suuqsa-ni*») вымазавшаяся синей краской лиса выдает себя царицей всех животных, рожденной по воле самого небесного повелителя Хурмусть. Однако выдает себя лисьим твяканьем и лишается жизни [14, с. 59-61; 15, с. 542]. В рамках комментаторской литературы сюжет известен под названием «Голубая лиса» [4, с. 69-70].

Два сюжета о проигрыше лисы связаны с мотивом выяснения старшинства среди животных. В сказке «Лиса и ёж» («*Ünegeŋ zarā xoyor*»), будучи уверенной в своей победе в споре о старшинстве лиса приводит довод о том, что мать пела ей колыбельную еще в то время, когда земля была размером с очаг, небо не больше платочка, а попугай — неоперившимся птенцом. На что рассудительный еж замечает, что в таком случае она является ровесницей его младшего брата [15, с. 539]. Этот сюжет известен в рамках комментаторской литературы буддизма [4, с. 79].

Таким образом, во всех известных нам текстах сказок о животных лиса всегда выступает в роли трикстера, обманывая не только своих сородичей, но и людей.

Вторым по популярности персонажем животной сказки ойратов Синьцзяна является волк. Чаще всего в сказочных сюжетах он выступает в паре с лисой, которая постоянно его обманывает. Хотя волк всегда изображается сильным, но главное его качество в сказках ойратов Синьцзяна — безграничная глупость. Поэтому, не смотря на свою силу, он всегда остается в проигрыше. Его легко проводит не только лиса, но и многие другие звери — лошадь («Пестрый лончак и волк», «*Alaq dāyan boln čono*»), бычок («Лончак, бычок и волк», «*Dāyan būrū čono yurba*»), находчивый заяц («Сказка о серой овечке», «*Boro xoyini üliger*») и др.

Тем не менее, следует отметить, что среди сказочных сюжетов о волке, есть прозопоэтический текст «Одинокый белый верблюжонок» («*Önčin sayān botyon*»), в котором волчица оказывает защиту и покровительство хрому верблюжонку и помогает ему найти свою мать.

Среди других персонажей сказки о диких животных встречаются медведь, барс и лев. Они представлены в сюжетах сказок как самые сильные звери, но при этом они глупы и самоуверенны в том, что располагая силой и властью, они не нуждаются в уме. Поэтому лиса или заяц легко их обманывают.

В содержании ойратских сказок о животных часто присутствуют сюжеты, в которых птицы, превосходят присущей им мудростью и смекалкой своих сильных врагов. Чаще всего они защищают себя, усыпляя их бдительность намеками об их благородстве и уме, которое у тех отсутствует. К примеру, в сказке «Красивый серый воробей» («*Sāral sayıxan boqşorıo*»), выстроенной на мотиве мнимой угрозы, лиса грозит свалить дерево, на котором воробья-мать высиживает птенцов, выпить всю воду в округе и

съесть всю траву. Наивная птица верит мнимой угрозе и лишается яиц. Мудрая перепелка подсказывает ей, как спасти оставшееся яйцо. Лиса ловит перепелку, но она освобождается из ее пасти с помощью хитрой уловки [14, с. 528-530].

В сюжете сказки «Лиса и журавль» (*«Ünegен тойоруун хоюг»*), плутовка, представ в образе доброй соседки, пытается пожить птенцами журавлиной пары. Разгадав ее недобрые намерения, птицы устраивают так, что лиса попадает в капкан [15, с. 535-536].

Некоторые сюжеты, в которых действуют птицы, известны в комментаторской тибето-монгольской литературе буддизма. Черепаха путешествует с дикими гусями, ухватившись за веточку, которую держит пара гусей в тексте «Гуси и черепаха» (*«γaluun bo yasutu mekelei»*). В сказке «Лиса-перерожденец и Хан Гаруда» (*«Хubilyā n ünegен болон Хān γarudi»*) плутовка с помощью хитрости делает Гаруду своей ездовой птицей [14, с. 38-39; 15, с. 542-543]. Этот сюжет известен в рамках комментаторской литературы буддизма под названием «Вишну и Гаруда» [4, с. 124-125]. «Сказка о мудром попугае» (*«Cecen toti-yin üligер»*) является контаминацией двух притч из комментаторской литературы буддизма — «Голубь Читрагива и его друзья» [4, с. 93] и сюжета о птицах, попавших в сети [4, с. 164].

В сказочной традиции ойратов, в том числе и сказках о животных, встречаются образцы текстов, которые обладают своеобразной композицией, построенной на цепочке коммулятивных эпизодов-действий, дополняющих друг друга. Финальный эпизод приводит к разрешению сложившейся ситуации. К такому типу коммулятивных сказок относится сюжет под названием «Белозобый воробей» (*«Betеге саγān боқširγо»*), который хорошо известен и в калмыцком фольклоре.

Одной из особенностей сказок о животных ойратов Синьцзяна является богатый, образный, насыщенный яркими выражениями язык диалогов персонажей. Как истинные кочевники, хорошо знающие повадки диких и домашних животных, ойраты в текстах сказок о животных часто употребляют звукоподражательные слова. К примеру, лиса, согласно языку ойратов, при беге издает звук — 'гув-гув'. Перепелка поет — 'буг-булдаг, буг-булдаг' или в другом варианте — 'Бул, бул! Бул! Бул, бул! Бул!'. Сова плачет в темном лесу — 'Гуу, гуу, гуу!', а лягушка квакает — 'Нирр, цурр'. Комар жужжит — 'Дуу, дуу'. Голодный волк воет — 'Уу, аа! Аа, уу!'.

Среди представленных образцов животных сказок есть тексты, содержание которых построено на ссоре персонажей. Сказки подобного вида относятся к текстам, в которых главным является не само событие, а богатый образный язык произведения. В тексте «Лягушка и журавль» (*«Mekelei тойоруун хоюг»*) причиной ссоры становится лягушка, оказавшаяся на пути шествующего к водоему журавля. Надменный журавль велит ей убраться с дороги. Лягушка не соглашается и вступает в перебранку. Ослепленный гневом журавль, пытаясь заклевать лягушку, прыгнувшую в воду, погибает проткнув шею острым стеблем камыша.

В другом тексте «Петух, ставший посмешищем для лягушки» (*«Mekelei-yin zōq болуqсан така»*) лягушка не может перебраться через глубокий сухой арык. Увидев петуха она просит указать ей место возможной переправы. Надменный петух сталкивает ее в арык и сам падает туда же и подворачивает ногу. Оказавшись на дне арыка он продолжает обвинять и клевать лягушку. Внезапно арык заполняется водой. Лягушка спасается, а надменный петух тонет.

Таким образом, мифы и сказки о животных представляют древний жанр сказочного фольклора ойратов Синьцзяна. В их содержании сохранились мифологические элементы,

связанные с архаическими представлениями этноса о живых существах окружающего их мира. Образный язык, насыщенный выразительными поэтическими выражениями, обилие изобразительных средств, большой объем лексики исконного языка ойратов, во многом утерянной в языке калмыков, свидетельствуют о сохранности сказочно-мифологического фонда и исполнительской традиции ойратов Синьцзяна.

Библиография

1. Басангова Т. Г. Животные в калмыцком фольклоре. На рус. и калм. яз. Элиста: КалмГУ, 2019. 192 с.
2. Бембеев Е. В. Научно-популярный журнал «Хан Тенгер» как источник по изучению несказочной прозы ойратов Синьцзян-Уйгурского автономного района Китайской Народной Республики // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2020. № 1. С. 123–140.
3. Горяева Б. Б. Орнитоморфные помощники героя в калмыцкой волшебной сказке // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2017. № 9 (122). С. 134–141.
4. Ёндон Д. Сказочные сюжеты в памятниках тибетской и монгольской литературы. Второе издание. Улаанбаатар: ИЯЛ АН Монголии, 2013. 201 с.
5. Меняев Б. В. Журнал «Хан Тенгер» как источник изучения фольклора ойратов Синьцзяна // Проблемы истории, филологии, культуры. 2017. № 4. С. 335–344.
6. Надбитова И. С. Сюжеты, образы и стилевые традиции калмыцких волшебных сказок. Элиста: ЗАОР «НПП „Джангар“», 2011. 260 с.
7. Пюрбеев Г. Ц. Эпос «Джангар»: культура и язык. 2-е изд., перераб. Элиста: ЗАОР «НПП „Джангар“», 2015. 280 с.
8. Содномпилова М. М., Нанзатов Б. З. Зооморфный код в контексте этногенетических связей: лиса в традиционных представлениях монгольских народов // Известия Иркутского государственного университета. Сер.: Геоархеология. Этнология. Антропология. 2016. Т. 15. С. 48–63.
9. Тодаева Б. Х. Материалы по фольклору синьцзянских монголов // Тюрко-монгольское языкознание и фольклористика. М.: ГРВЛ, 1960. С. 228–265.
10. Убушиева Д. В., Дамринжав. Сказки о животных в фольклоре ойратов Китая (на материале сборника сказок о животных «Белозобый воробей» ('Betege сауān boqširyo')) // Монголоведение. 2020. № 1. С. 10–21.
11. Хальмг туульс. Калмыцкие сказки: Сборник на калм. яз. / сост. В. Д. Бадмаева. Элиста: ГУ «Издательский дом „Герел“», 2009. 440 с.
12. Шараева Т. И. Обряды жизненного цикла калмыков (XIX в. – нач. XX в.). Элиста: НПП «Джангар», 2011. 223 с.
13. Damrindjab Ba. Collection and Publication of Oirat Folk Tales of Xinjiang: a Brief Historical Review // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2017. № 6. С. 131–137.
14. Betege сауān boqširyo. Šinjiyang-giyin monyol arad-yin aman zokōl. (Белозобый воробей. Устное народное творчество монголов Синьцзяна). Urumči: Šinjiyang-giyin arad-yin keblel-yin horō (Урумчи: Народное изд-во Синьцзяна), 1981. 100 х.
15. Dumdadu ulusiyin Šinjiyang-giyin mongyol aradiyin aman ūliger-yin emkidkel (Сборник народных сказок монголов Синьцзяна Китая). Ürümči: Šinjiyang-giyin aradiyin keblel-yin horō (Урумчи: Народное изд-во Синьцзяна), 2006. 866 х.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Представленная на рассмотрение статья «Мифы и сказки о животных ойратов Синьцзяна» в научный журнал «Филология: научные исследования», несомненно, является актуальной, ввиду возрастающего интереса к китайскому языку и культуре в нашей стране, а также усиливающихся экономических и культурных связей между странами. Автор ставит целью проведение анализа сказочного фольклора ойратов Синьцзян-Уйгурского автономного района Китая, а именно изучение мифов и сказок о животных, которые представляют древний жанр сказочного фольклора ойратов Синьцзяна.

Отметим наличие сравнительно небольшого количества исследований по данной тематике в отечественной филологии. Статья является новаторской, одной из первых в российской лингвистике, посвященной исследованию подобной проблематики. В статье представлена методология исследования, выбор которой вполне адекватен целям и задачам работы. Автор обращается, в том числе, к различным методам для подтверждения выдвинутой гипотезы. К сожалению автор не указывает объем корпуса исследования, а также методологию его формирования. Теоретические измышления проиллюстрированы языковыми примерами, а также представлены убедительные данные, полученные в ходе исследования. Данная работа выполнена профессионально, с соблюдением основных канонов научного исследования. Исследование выполнено в русле современных научных подходов, работа состоит из введения, содержащего постановку проблемы, основной части, традиционно начинающуюся с обзора теоретических источников и научных направлений, исследовательскую и заключительную, в которой представлены выводы, полученные автором. Отметим, что заключение требует усиления, оно не отражает в полной мере задачи, поставленные автором и не содержит перспективы дальнейшего исследования в русле заявленной проблематики. Библиография статьи насчитывает 15 источников, среди которых представлены работы как на русском, так и иностранных языках. К сожалению, в статье отсутствуют ссылки на фундаментальные работы отечественных исследователей, такие как монографии, кандидатские и докторские диссертации.

Высказанные замечания не являются существенными и не умаляют общее положительное впечатление от рецензируемой работы. В общем и целом, следует отметить, что статья написана простым, понятным для читателя языком. Опечатки, орфографические и синтаксические ошибки, неточности в тексте работы не обнаружены. Работа является новаторской, представляющей авторское видение решения рассматриваемого вопроса и может иметь логическое продолжение в дальнейших исследованиях. Практическая значимость исследования заключается в возможности использования его результатов в процессе преподавания вузовских курсов по теории литературы, фольклористике, а также курсов по междисциплинарным исследованиям, посвящённым связи языка и общества. Статья, несомненно, будет полезна широкому кругу лиц, филологам, магистрантам и аспирантам профильных вузов. Статья «Мифы и сказки о животных ойратов Синьцзяна» может быть рекомендована к публикации в научном журнале.